

Лора Бальс

Недотрога

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ля одиночки

18+

Лора Бальс

Недотрога для одиночки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56875971

SelfPub; 2020

Аннотация

Клиент всегда прав? Хозяин элитного московского клуба Глеб Молотов так не думал, когда в возникшем конфликте стал на сторону простой официантки. Вот только его помощь оказалась вовсе не бескорыстной. Но был ли мужчина готов к тому, что минутная прихоть изменит не только жизнь девушки, но и его собственную? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	62
Глава 10	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1

Глеб был зол. И на управляющего, который должен был решать проблемы, а не бежать с ними к руководству, пользуясь тем, что это самое руководство в лице Глеба Молотова решило сегодня проверить, как идут дела в клубе; и на девчонку, которая, кажется, была готова вот-вот расплакаться.

Он терпеть не мог таких вот недотрог, которые сначала устраиваются работать в ночное заведение, а потом строят из себя невинных незабудок и норовят жаловаться на каждую мелочь. Если такая принципиальная, шла бы нянечкой в детский сад или санитаркой в больницу. Ан нет, всем хочется работу почище и денег побольше. А за свои поступки отвечать не хочется.

Справедливости ради стоило признать, что девчонка не так уж и виновата. Официантки в его клубах не оказывали клиентам дополнительных услуг. Так было заведено ещё Ветровым, и до сих пор проблем с этим не возникало. Гостям хватало готовых на всё танцовщиц, а на обслуживающий персонал в скромных униформах обычно и внимания-то никто не обращал.

А вот сегодня случилась накладка. И, если рассуждать по справедливости, девчонка имела полное право отказать приставучему гостю. Конечно, нос ему разбивать не должна была, но это уже нюансы.

Однако все эти соображения проблему не решали. Серьёзную, между прочим, проблему, потому что разозлённый клиент пошёл на принцип и сейчас требовал именно эту девушку. В полное подчинение и на всю ночь. Девчонка, естественно, упрямилась и отказывалась налаживать ситуацию.

– Выйди, – раздражённо бросил Глеб управляющему. – Вопрос о твоём служебном соответствии обсудим завтра.

Он испытывал острое желание выставить незадачливого сотрудника, который не смог самостоятельно разрешить возникший конфликт, на улицу, однако давняя привычка не решать важные вопросы сгоряча заставила отложить карательные санкции.

Когда за служащим захлопнулась дверь, повернулся к девчонке. Оставшись единственным объектом его внимания, та совсем поникла, съёжилась, стараясь слиться со стеной.

А девочка ничего. Фигуристая. Невысокая, стройная, но не тощая, с пышной грудью и широкими крепкими бёдрами. Глебу нравился такой типаж. Обычно он пользовался клубными танцовщицами, но у тех, как правило, телосложение совсем другое. Более спортивное или слишком модельное, ровное. Вроде и фигура есть, а подержаться не за что. Жёсткие ягодицы, впалые бока, искусственная грудь... Ему куда больше по душе, когда женщина вся мягонькая, гладкая, с выразительными и главное, натуральными округлостями в нужных местах. Вот как эта девчонка!

А какая у неё кожа! Загорелая, но не до смуглоты. Золо-

тистая, словно изнутри светится. И волосы русые, с едва уловимым рыжеватым отливом. Солнечная девочка. У позарившегося на неё гостя губа не дура.

– Ну, лялька, и что ты мне скажешь? – холодно осведомился Молотов.

Не то чтобы его интересовали объяснения девчонки, просто нужно было время, чтобы определиться, как с ней поступить.

– Я перед ним извинилась, – тихо произнесла официанточка. – Я не хотела ударить, так получилось. Он... полез и... Я рефлексорно.

– У тебя рефлекс – бить людей подносом по лицу? – раздражённо уточнил он.

Этот жалкий лепет выводил из себя. Глеб на дух не переносил таких девиц, которые любят строить из себя жертву и чуть что начинают давить на жалость. Больше этого злили только слёзы, до которых, похоже, тоже недалеко.

– Он ко мне лез, – не поднимая глаз, повторила девчонка. – Я растерялась и испугалась.

– А когда работать устраивалась, ты думала, сюда люди приходят в шахматы поиграть?

– Я устраивалась официанткой, – к его удивлению, девчонка всё ещё не рыдала, и даже голос зазвучал твёрже, хоть и по-прежнему тихо. – А не проституткой. Мне говорили, что кроме исполнения непосредственных обязанностей от меня больше ничего не потребуется, что в сторону obsługi

здесь даже не смотрят и можно не волноваться на этот счёт. Я так и хотела, чтобы никто не смотрел...

– Ладно, лялька, я понял. Что у нас есть по факту? Нанесение увечий с твоей стороны и резонное желание получить компенсацию со стороны клиента. Клиент серьёзный, если уйдёт недовольным, может доставить массу хлопот. Как думаешь, что будем делать?

Девчонка посмотрела на него, впервые за всё это время. На короткое мгновение Глеб завис, охваченный мимолётным интересом. Глазищи у девчонки оказались нереальные, какого-то удивительного насыщенно-медового оттенка. Чёрт, он всё больше начинал понимать злополучного гостя. Такую куколку он и сам бы не отказался поиметь.

– Я к нему не пойду. Глеб Юрьевич, пожалуйста, вы же можете просто меня уволить.

Вот это уже было неожиданно. Молотов взглянул на девчонку с любопытством. Перед разговором он успел пролистать досье на неё и знал, что она явно не в том положении, чтобы по доброй воле отказываться от хлебного места. Одинокая, с родителями – точнее, с матерью и отчимом – никаких отношений не поддерживает и рассчитывать на их поддержку наверняка не может. Без образования, без полезных связей – на что она собирается жить, если останется без работы?

Не то чтобы ему было до всего этого какое-то дело, но официанточка его удивила. Готова на пустом месте создать

себе массу сложностей. Почему, спрашивается, не уступить и спокойно жить дальше? Можно подумать, с неё убудет.

По-хорошему, для дела лучше всего было бы отправить её сейчас к клиенту. Не затягивать конфликт с важным гостем и не портить тому настроение. Глеб мог заставить, и никуда бы девчонка не делась. Она и сама это понимала, судя по её виду.

Однако Молотов медлил. Обнаружилось в этой куклке что-то подкупающее, из-за чего не хотелось обижать. Первоначальное раздражение ушло. Она удачным образом не оправдала его ожиданий, не стала реветь или надрывно кричать о своих правах. Просила, но не унижалась и не пыталась развести его на эмоции. Понимала, на чьей стороне сила, но держалась достойно.

Видя, что он задумался, девчонка тихо повторила:

– Пожалуйста, Глеб Юрьевич.

– И куда ты пойдёшь? – зачем-то полюбопытствовал он. – Новую работу за пару дней не найдёшь, или найдёшь место в какой-нибудь грязной забегаловке, где будешь получать раз в пять меньше, чем у меня. За квартиру платить будет нечем, придётся снимать угол, где такие же неудачники ютятся друг у друга на голове. Уж тогда, лялька, к тебе будут приставать куда менее респектабельные господа, чем наш уважаемый гость.

– Я разберусь, – серьёзно уверила девчонка. – Устроюсь как-нибудь. Вы только разрешите мне уйти.

Разрешите... Глеб вдруг поймал себя на мысли, что в какой-то момент ситуация начала ему нравиться. Досадный инцидент обернулся своеобразным развлечением.

Ему нравились тихие, покладистые женщины. И в то же время бездумная покорность и бесхребетность раздражали. А обычно получалось именно так: или послушная, но совсем уж без своего «я», готовая чуть ли не в рот мужчине заглядывать, или хищница с коготками, да ещё и напичканная дурацкими идеями о равноправии. Ни один из этих вариантов его не устраивал, поэтому отношения с любовницами обычно сводились к голой физиологии.

Раньше Глеба это не напрягало. Он не чувствовал потребности в душевных привязанностях и однозначно не стремился обзаводиться семьёй или хотя бы просто постоянной спутницей. Считал, что женщины только для одного и нужны – обеспечивать мужчине своевременную разрядку и улаживать зрение.

Но вот последнее время периодически стало что-то накачивать. Ещё не тоска по семейному очагу, но уже некая неудовлетворённость тем, что есть. Наверное, пример счастливо загнездовавшего друга подействовал. Феликс был неприкрыто и ненаигранно счастлив со своей девчушкой, даром что та научилась из него верёвочки вить. Сам Ветров, конечно, никогда бы не согласился с подобным утверждением, но в глазах Глеба ситуация выглядела именно так. Одно то, что друг решил отойти от дел и в корне сменить род занятий,

говорило обо всём более чем ясно.

Нет, Глеб не собирался идти по его стопам, влюбляться и заикливаться на какой-нибудь девице. И всё же... Всё же иногда хотелось чего-то нового. Какой-то встряски, впечатлений, ощущений. Кризис среднего возраста, не иначе. Время подходящее, скоро уже сороковник стукнет.

Глеб ещё раз оценивающе взглянул на замершую в ожидании девчонку. Пожалуй, она его забавляла. Занимательная особа. Понимает своё место и признаёт его власть, но при этом себе на уме. И не тряпка, не истеричка. Что бы ни показалось сразу, негатива она в нём не вызывает, это определённо. И скуку развеяла, по крайней мере на сегодня.

Не сводя глаз с куколки, потянулся к внутреннему телефону, набрал управляющего.

– Зайди.

Когда тот показался на пороге, уверенно распорядился:

– Скажи дорогому гостю, что девка оказалась психованная и сбежала. Пообещай, что больше она в Москве приличной работы не найдёт, мы позаботимся. А для гостя сегодня любые развлечения бесплатно, в качестве компенсации.

Девчонка, до этого смотревшая с плохо скрываемой тревогой, благодарно улыбнулась.

– Спасибо, Глеб Юрьевич. Правда, спасибо большое. Вы... вы человек! Мне можно идти?

– Нет, – невозмутимо обронил он. – Сядь в сторонку и не отвечивай, мне нужно закончить пару дел.

– Но... – она слегка нахмурилась, явно обескураженная этим распоряжением. – Зачем я ещё здесь нужна?

– Здесь – не нужна. Скоро закончу, и поедem домой. Ко мне.

– З-зачем? – она снова насторожилась.

– Моей матери нужна помощница по хозяйству, – сообщил он, хотя до этого момента даже не задумывался, на какой срок и в каком официальном качестве заберёт девчонку.

Просто вдруг захотелось временно оставить её при себе. Внести разнообразие в череду одинаковых серых вечеров. Не просто переспать, но и понаблюдать за ней, попробовать... Он ещё сам не знает, что. Возможно, и даже скорее всего, уже завтра эта блажь пройдёт, и тогда он отправит куколку на все четыре стороны. Если она не испортит о себе впечатление, оправит с определённой суммой на счет.

Девчонка сильнее сдвинула брови. Ей явно не нравилась ситуация.

– Извините, но я должна отказаться, – подчёркнуто вежливо, явно не желая его разозлить, проговорила она. – Спасибо за предложение. Я не готова работать с проживанием, и...

– Ты не поняла, лялька. Это не предложение, а распоряжение. Ты подписывала трудовой контракт на два года, до его истечения можешь уйти только по соглашению сторон, а я тебя не отпускаю.

– Почему? – окончательно растерявшись, пролепетала

она.

– Много вопросов, ляль. Сказал же, сядь и не отвечивай. Девчонка послушалась. Пересекла кабинет и нерешительно примостилась на краешке кресла. Правда, долго молчания не выдержала.

– А можно ещё спросить?

Прелесть. Только что руку не подняла, а так – вылитая школьница перед директором.

– Валяй.

– Я... Мне у вас нужно будет заниматься только работой по дому, и всё?

Молотов хмыкнул про себя. Похоже, куколка попалась не только принципиальная, но и наивная. Кажется, действительно недотрога, а не цену набивает. Мысль неожиданно взбудоражила. Раньше Глеб никогда не связывался с женщиной, если та начинала ломаться. Считал, что усилия того не стоят. Зачем с кем-то возиться, если то же самое можно получить от другой сразу и без заморочек? А вот сейчас понял, что не против немного поиграть. Хоть какое-то разнообразие.

– А ты хочешь предложить мне что-то ещё? – строго осведомился, ничем не выдавая охватившего его азарта.

Девчонка замотала головой.

– Нет!

Живая реакция. Искренняя, неподдельная. Яркая. Не то что у общедоступных клубных девиц, с которыми он чаще

всего сбрасывал напряжение. Да, удачно ему сегодня попалась эта солнечная девочка.

– Ну а что тогда спрашиваешь? – по-прежнему сохраняя внешнюю невозмутимость, отмахнулся, позволяя куколке на время успокоиться.

Глава 2

Больше девчонка не заговаривала. Сначала сидела натянутая, как струна, хмурилась и нервно заламывала пальцы, а потом, похоже, приняла какое-то решение. Расслабилась, принялась озираться по сторонам, изучая обстановку кабинета. Совсем не мешала, но Глеб всё равно то и дело искоса поглядывал в её сторону.

Закончив с делами, поднялся и призывно махнул официанточке, приглашая следовать за собой. Она так же молча встала, заученным машинальным движением одёрнула юбку униформы и смущённо ойкнула.

– Извините... Мне надо переодеться. Я забыла.

Он раздосадовано цокнул языком, но потом всё же снисходительно кивнул девчонке.

– Давай быстро. У тебя десять минут, жду в машине.

Она справилась быстрее. Выскочила на крыльцо, огляделась и, заметив призывно мигнувшие фары, поспешила в нужную сторону.

– Простите, – снова извинилась, впорхнув в салон. – У меня ещё дела в квартире. То есть, если я должна жить у вас, пока работаю, нужно отказаться от аренды, забрать вещи...

Она не договорила, стушевавшись под его взглядом. А Глеб с нескрываемым любопытством рассматривал её наряд. Даже нейтральная безликая форма официантки куда лучше

подчёркивала формы девчонки и смотрелась гораздо привлекательнее, чем её собственная одежда. Это вообще было нечто невообразимое. Какая-то дикая смесь дешёвого китайского рынка и содержимого бабушкиных сундуков. Интересно, она всегда так ходит или специально на работу выряжается, чтобы возле клуба никто не зацепился взглядом?

– Если у тебя все тряпки такого плана, просто забудь, – вынес он вердикт. – В моём доме не место ширпотребу, это вопрос престижа. Завтра водитель отвезёт тебя в город, выберешь что-нибудь более подходящее. Насчёт денег не волнуйся, считай – премия.

Девчонка возмущённо вскинула брови и шумно вздохнула, похоже, намереваясь что-то возразить, но в последний момент передумала. Лишь коротко махнула рукой и отвернулась к окну. Глеб мог бы поручиться, что она подумала нечто вроде: «Чёрт с вами, за свой счёт самодурствуйте, сколько угодно»

Что ж, такая реакция его устраивала. Ненужных препираний он не терпел, а гримасы может строить, сколько угодно.

Впрочем, стоило машине въехать во двор, и куколка тут же забыла о недовольстве. Улыбнулась – к слову, впервые за весь вечер, – в глазах мелькнуло восхищение, которое она даже не пыталась скрыть. И это тоже было ей в плюс. Глеб не любил притворства, а на такую неискушённую, неизбалованную благами жизни натуру его дом явно должен был произвести впечатление.

Да что там, Глебу самому нравился этот особняк. Он без раздумий купил его, едва только услышал, что друг собрался распродать своё имущество и перебраться к морю. Купил не из сентиментальности, хотя последние лет пятнадцать он уже чувствовал себя здесь, как дома. Просто ему действительно всё тут оказалось по душе, и совпало удачно – он как раз задумывался о том, что неплохо бы обзавестись более просторным углом, чем хоть и двухэтажная шестикомнатная, но всё же квартира. А тут – природа; сад, больше похожий на мини-парк; собственная баня с бассейном. Красота!

Однако оказалось, что девчонка смотрела вовсе не на окружающее великолепие, а на тянувшийся вдоль забора узкий длинный вольер.

– Ух ты! Это ротвейлеры? – не утратив восторженной улыбки, уточнила она. – Здорово!

Здорово? Нет, гости и сотрудники, которым прежде доводилось здесь побывать, по-разному отзывались о его зверинце. Кто с уважением, кто со страхом, кто – да, было и такое – с восхищением, но ни один не радовался так, словно увидел под ёлкой подарок от Деда Мороза.

– Разбираешься в породах? – без особого интереса осведомился он.

– Не то чтобы... Просто пару раз приходилось работать с такими красавцами. Характер у них не сахар, если подхода не найти, лучше и не связываться. Но верные. Мне всегда нравились больше разных мелких... Я раньше подрабатыва-

ла выгулом собак, – пояснила девчонка в ответ на его теперь уже по-настоящему удивлённый взгляд.

Надо же. И кто-то доверил такой пигалице серьёзных, далеко не всегда дружелюбных животных? Глеб действительно был удивлён. И неизвестно, чем больше – самоуверенностью схватившейся за не самое безопасное дело девчонки или беспечностью людей, доверивших ей это. Представить только, кинолог нашёлся!

А вот особняк официанточка окинула вовсе не восхищённым взглядом. Скорее, в нём читалась робость. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке, и это стало ещё более заметно, когда они вошли внутрь.

– Ого... – растерянно произнесла она, разглядывая интерьер холла, а затем гостиной. – Надеюсь, у вас нет ваз какой-нибудь древней эпохи? А то не уверена в здоровье своих почек, чтобы расплатиться в случае чего...

Шутила? Похоже, пыталась, но он уже ни в чём не был уверен. Экземпляр попался ещё более нестандартный, чем сразу предполагал. К счастью, вовремя появившаяся в дверях кухни мать избавила от необходимости ответить.

– Глеб? Сколько раз просила, звони, когда подъезжаешь к дому. Теперь придётся ещё полчаса ждать ужина... Добрый вечер, – мама запнулась и договорила уже совсем в другой тональности, заметив девушку рядом с ним.

– Это наша новая работница, тебе в помощь, – поставил он перед фактом.

Мать не сумела скрыть удивления. Да, они давно уже оговорили этот момент. Когда Глеб переехал в частный дом и пригласил маму переселиться к нему, та сразу предупредила, что не желает постоянно видеть в своём жилище посторонних. Охрана охраной, но хозяйек, кроме неё, быть не должно. И ему так и не удалось убедить Валентину Григорьевну в том, что домработница – это всего лишь прислуга, а не хозяйка.

Мама упрямо стояла на том, что домом заправляет тот, кто об этом доме и его обитателях заботится, и единственное, на что согласилась – чтобы два раза в неделю приезжала наёмная сотрудница для генеральной уборки. Готовку же и прочие повседневные мелочи оставила на своих плечах.

– Ирина останется, уборка по-прежнему за ней, – продолжил Глеб, не давая матери вставить слово и рассчитывая, что за время его монолога та сообразит, как себя вести. – А вот со стиркой-посудой тебе пора завязывать, хватит суетиться целыми днями.

На лице Валентины Григорьевны отразилось понимание. И, конечно, она оказалась готова подыграть, как и рассчитывал Глеб. Пусть мама была против не нужных ей помощников, но упорно мечтала, что сын когда-нибудь остепенится. И ради этого сейчас отложила лишние вопросы и уточнения.

– Очень рада вас видеть, милая, – приветливо улыбнулась она. – Как вас зовут?

– София.

– Соня.

Они с девчонкой ответили одновременно, только Глеб назвал полное имя, вычитанное в досье. А она, оказывается, предпочитает не официализничать. Ненужная информация, но он отметил и это, по давней привычке запоминать всё услышанное.

– Очень рада, – повторила мать. – А я – Валентина Григорьевна. Думаю, мы с вами прекрасно поладим. Мой сын, конечно, слишком обо мне заботится и преувеличил насчёт того, что мне нужна помощница. Я сама прекрасно справляюсь с делами. Но вот без хорошей компаньонки здесь очень скучно. Никаких соседей, склонных праздно поболтать, а в город каждый день не наездишься, возраст уже не тот. Вы любите вязать, деточка?

Мама уверенно подхватила окончательно растерявшуюся от такого напора девушку под руку и повлекла за собой – наверное, показывать дом.

– Нет... – донёсся до него ответ Сони. – Но я когда-то раньше мастерила поделки из бисера. Разные деревца, животных, украшения.

– Это чудесно! Мне так нравятся подобные вещички! А читать вы любите?

Глеб усмехнулся. Похоже, развлечётся не только он, но и мама. Что ж, очень даже приятный бонус. О том, что мать всерьёз захочет присватать ему девчонку, он не беспокоился. Это сейчас она увлечена идеей, предполагая, что на горизон-

те замаячила возможность её реализации. Но со временем энтузиазм пройдёт. Возможно, ещё раньше, чем угаснет его собственный интерес к куколке.

Его мать умная женщина, и сама решит, что они с девчонкой не пара. Простая официанточка без образования и нормального воспитания за плечами никогда не сможет очаровать её надолго, так, чтобы мама захотела видеть её членом семьи.

Глава 3

Соню пугал этот человек, хозяин клуба. Совсем не так, как испугал сегодняшним вечером мерзкий пьяный посетитель, который отпускал сальные шуточки всякий раз, едва она приближалась к их столику, а потом и вовсе попытался залезть ей под юбку под поощрительный гогот приятелей.

Одно только воспоминание заставило передёрнуться от отвращения. Давно ей не было так противно и так жутко. Соня сама не поняла, как схватила поднос и со всего размаха огрела обидчика, угодив тому прямо по переносице. Действие произошло раньше, чем она успела его осмыслить.

Конечно, сумей она здраво оценить ситуацию и принять взвешенное решение, то никогда бы так не поступила. Вспомнила бы инструкцию, которую выдавали персоналу при приёме на работу и которую она в своё время внимательно изучила. Там были предусмотрены самые разные ситуации, и подобные сегодняшней в том числе.

Если бы она вовремя успокоилась, то смогла бы ненавязчиво привлечь внимание охраны. Без скандала ускользнула бы с глаз долой, а уж дальше не её забота, как переключить внимание клиента. Да, всё могло бы утрястись относительно тихо и не дойти до внимания высшего руководства. Но Соню накрыла паника, и всё случилось, как случилось.

Собственно, она ещё не разобралась, хорошо или плохо

всё для неё обернулось. Когда управляющий потащил её к хозяину клуба, Соня была готова к самым разным вариантам развития событий. Не сомневалась только в одном – её выходка не останется безнаказанной.

Увольнение, необходимость снова перебиваться с хлеба на воду и не иметь возможности хоть что-то отложить на будущее, на поступление и учёбу, виделось наилучшим итогом. Но могло быть и так, что её бросят на растерзание разозлённому посетителю, заставят пройти через весь кошмар, который тот для неё уготовит, а потом прикопают где-нибудь в ближайшем перелеске.

Решение, озвученное Молотовым, её потрясло. И тоже испугало. Соня не могла предположить его мотивов, и это вызвало неуверенность и тревогу. Рядом с этим человеком она чувствовала себя выпавшим из гнезда птенцом, который ещё не научился летать. Пока его подхватил случайный порыв ветра, он мечется в воздухе, пытается барахтаться, но не знает наверняка, сумеет ли расправить крылья и полететь или шмякнется оземь.

Соня знала, что хозяина остерегаются абсолютно все сотрудники. Он был непробиваемым. Холодным и бесчувственным. Нет, никто не замечал за Глебом Молотовым несправедливости или бесцельной жестокости. Но тем не менее никто и не мог заранее предположить, какое решение он предпримет по тому или иному вопросу. А ещё все знали, что ему никогда не изменяет хладнокровие, и можно не

ждать от него нормального человеческого понимания и сочувствия.

Поэтому предложение, точнее, приказ поработать в его доме порядком насторожил. Чудился за этим некий подвох. В самом деле, разве такие люди, как он, нанимают домработниц не в специальных агентствах, предварительно затребовав рекомендации с предыдущих мест работы и назначив испытательный срок? А тут вот так просто... Да, пусть она не совсем человек с улицы, работала в его же клубе, но одно дело официантка, и совсем другое – помощница в домашних делах. Он ведь даже не спросил, умеет ли она готовить, выводить пятна с ткани и прочее, чем там ещё ей предстоит заниматься.

Но с другой стороны, зачем ему обманывать или недоговаривать? При желании и так мог увезти её, куда угодно. Приказал бы охране закинуть в багажник, и что бы она сделала?

Да и слова о матери немного успокоили. Каким бы nepocтижимым человеком ни был Молотов, не может ведь он творить что-то плохое рядом с собственной мамой, в одном с ней доме.

К тому моменту, как пришло время покинуть клуб, Соня уже почти совсем успокоилась. Даже убедила себя, что всё, возможно, к лучшему. Это её шанс. Молотов ничего не сказал о зарплате, значит можно надеяться, что не урежет ей жалованье. Плюс ей больше не придётся платить за съёмную квартиру. Можно будет каждый месяц откладывать значи-

тельно большую сумму, чем получалось раньше.

За оставшийся до конца контракта год она накопит достаточно денег, чтобы изменить свою жизнь. Поступит в университет, выучится, найдёт работу, которая будет ей интересна и вернёт жизни краски. И может, лет через десять-пятнадцать она станет известным психологом с обширной практикой. Будет помогать людям и сама обретёт уверенность в завтрашнем дне, независимость окончательную и бесспорную.

Она ведь об этом мечтала, в день восемнадцатилетия убегая из родительского дома. Соня готовилась к этому полгода, тайком от домочадцев зарабатывала деньги, выгуливая собак и раздавая рекламные листовки в подземном переходе. Вырученной суммы хватило на то, чтобы оплатить первый месяц аренды квартиры и купить бутылку шампанского – отпраздновать освобождение.

На следующий день Соня занялась поиском работы. Вопрос о выборе места не стоял. Денег не осталось совсем, зарплату нигде наперёд не выдают, а есть хотелось постоянно. Оставалось одно – устроиться поближе к кухне. Официанткой или хотя бы посудомойкой.

Она с радостью ухватилась за первую же подвернувшуюся вакансию. В маленьком привокзальном кафе платили мало, посетители практически не оставляли чаевых, но это было намного лучше, чем ничего. Соня смогла и дальше снимать квартиру и питаться достаточно для того, чтобы не упасть в

голодный обморок.

На тот момент она вряд ли могла добиться чего-то большего, но надеялась, что через пару лет, поднакопив опыта, сможет устроиться в какой-нибудь респектабельный ресторан. И уж тогда займётся накоплениями и станет двигаться дальше.

План реализовался несколько иначе, чем она предполагала. Самой искать следующее место работы не пришлось.

В привокзальной забегаловке Соня сдружилась с одной из коллег, беззаботной и жизнерадостной Риточкой. Та знала о её непрестом положении и поддерживала, как могла. И когда начала встречаться с парнем и вскоре ушла с ненавистой работы, периодически продолжала заходить к Соне поболтать и поделиться новостями.

Рита и помогла ей устроиться в заведение, тогда ещё принадлежавшее не Молотову, а Феликсу Ветрову. Парень Риты работал у того водителем, и подруга с восторгом рассказывала, что получает он, как не каждый руководитель где-нибудь в госструктуре. Вот и Рите сказал увольняться, найти себе что-нибудь по душе или, если хочется, осесть дома – его заработка хватит на безбедную жизнь.

Однажды, во время очередных вечерних посиделок, Рите пришла в голову мысль, что теперь она может помочь подруге не только словом.

– Слу-ушай! – воскликнула она, прервав на полуслове рассказ о том, как прекрасно они с парнем провели выходные. –

А мой Володя ведь говорил, что у его шефа как раз бизнес связан не то с ресторанами, не то с клубами... Давай я Вовку попрошу узнать, может, там для тебя найдётся вакансия? Если у этого мужика водитель нормально получает, то и официантки должны! Заживёшь, наконец, как человек.

Соне эта идея сначала не показалась привлекательной. Она настороженно относилась к людям, заправляющим большими деньгами, и подозревала, что, позарившись на доходное место, может нарваться на проблемы. Однако Рита со смехом отмахнулась от её страхов.

– Да ты что, Володя говорит, Ветров мировой мужик! К сотрудникам нормально относится. И наоборот, там везде порядок, охрана следит. Это в нашей забегаловке какая-нибудь пьяная шваль как прилипнет, весь вечер не отвяжешься, а там всё прилично.

И Соня поддалась уговорам. А подруга не забыла про обещание и на самом деле организовала ей собеседование.

Жизнь действительно наладилась, деньги уже не улетали подчистую, что-то получалось откладывать. Мечты о будущем превращались в чёткие планы.

Так было до сегодняшнего вечера. Но, возможно, в главном ничего не изменится и дальше. Соне очень хотелось на это надеяться.

Глава 4

Глеб проснулся не в самом лучшем настроении. Только вчера он привёл в дом эту девчонку, и сразу же всё пошло не совсем по плану. А начиналось-то так хорошо. Мать как-то удачно уболтала куколку, так что та окончательно расслабилась и повеселела. К концу ужина даже на него смотрела уже совсем без робости и настороженного ожидания, прямо и открыто. И это было хорошо, ведь новизна новизной, а долго обхаживать девчонку в его планы не входило.

Но потом его ждал сюрприз. Глеб собирался навеститься к девочке перед сном. Нет-нет, ничего такого в первый вечер. Ещё в клубе было понятно, что ей нужны какие-то ритуалы для того, чтобы дать. Душевная болтовня, комплименты и прочая дребедень. Именно это он на сегодня и планировал, чтобы время не терять.

Но, толкнув дверь отведённой для прислуги комнаты, обнаружил, что та пуста. Недолгое блуждание по дому показало, что матушка устроила девчонку в спальне, смежной с её собственной. И ладно бы комнаты просто граничили, однако они ещё и соединялись общей дверью.

Проём был сделан давно, когда первая жена Ветрова медленно угасала. Иногда, в тяжёлые периоды, было необходимо, чтобы медсестра находилась поблизости в любое время. Обе комнаты долгое время стояли закрытыми, но потом в

них всё же вернулась жизнь.

Но чем, чёрт возьми, руководствовалась его мать, заселяя в одну из них девчонку?! Или она думает, что Глеб должен, как турецкий султан, официально приглашать ту в свои покои разделить ложе?! Да ладно ложе, сегодня вот просто хотел познакомиться поближе, расположить девочку к себе – и что? Не будет же он, как подросток, вести разговоры и оглядываться на дверь. Да уж, удружила мама так удружила.

К утру досада только усилилась, потому что он так и не нашёл причины для подобного поворота.

К завтраку он пришёл хмурым и не выспавшимся. И остановился на пороге столовой, мысленно отметив, что количество удивлений за последние сутки уже переходит критическую отметку. Да, он хотел впечатлений, но должна ведь во всём быть мера.

В столовой стоял умопомрачительный запах домашней выпечки.

Последние годы Глеб придерживался правильного питания, и уже забыл, когда последний раз чуял с утра пораньше такие ароматы. Матери лень было выготавливать что-то этакое для себя одной.

– Что это?

Прозвучало резковато, и Соня, хлопотавшая у стола, тут же смутилась.

– Пирожки... С повидлом и с творогом. Но я для вас приготовила кашу! Валентина Григорьевна рассказала, что вы

обычно едите, я всё учла. Просто я подумала, что можно сделать и что-нибудь ещё... Вы можете посчитать продукты в счёт моей зарплаты, если что-то не так...

Она что, решила, что он жалеет для неё еды? За кого она вообще его принимает, что так разволновалась на пустом месте?

– Отставить оправдания! – оборвал Глеб. – Можешь готовить, что хочешь, и продукты заказывай сколько и какие надо. Варенье в пирожках какое?

– Сливовое... – окончательно растерявшись, проговорила куколка.

Стоило заметить, выглядела она сейчас очень соблазнительно. Робкая, по-домашнему уютная, ещё чуть томная после сна, с небрежно заколотыми волосами... Даже не думал, что женщина может быть такой обворожительной с утра, без макияжа, тщательно подобранного наряда и каблуков.

Захотелось сгрести девчонку в охапку и утащить в спальню. Зародившийся вчера интерес сейчас перерос в устойчивое желание. Но пока придётся довольствоваться полумерами, чтобы не спугнуть.

Глеб приблизился, без напора, почти невинно приобнял куколку за плечи, жадно втянул запах кожи. Девочка пахла чистотой и летом. Глупая ассоциация, конечно, но в первый миг ему подумалось именно так. Потом самому стало смешно. Вот что это за запах – летний? Пыль и плавящийся асфальт?

Соня дёрнулась, пытаясь высвободиться из его рук, но Глеб не пустил. Скользнул губами по беззащитной открытой шейке, слегка куснул приоткрывшееся из-за растянутого воротника бархатистое плечо. Не выдержал и потёрся пахом о бёдра, не скрывая растущего возбуждения.

Куколка что-то испуганно пискнула, забрыкалась серьёзной, с какой-то отчаянной силой. Не без сожаления позволил ей отстраниться, и девчонка тут же отскочила на пару метров, схватилась за спинку стула, явно намереваясь в случае чего превратить его в оружие.

– Г-глеб Юрьевич?.. Вы... Вы что...

Глеб даже опешил. Девочка заикалась, тряслась и вообще выглядела так, словно он только что пытался её задушить, а не целовал. Какого чёрта?! Кстати, похоже, эта фраза скоро станет его девизом, если всё и дальше пойдёт в таком духе.

Что он такого сделал-то? Ладно бы нагнул её прямо здесь и сразу приступил к делу, так ведь нет, подошёл деликатно. Так сказать, просто обозначил интерес. Даже если она пока не хочет, это ведь не повод так психовать.

– Глеб Юрьевич, ну можно мне уволиться, пожалуйста? – чуть придя в себя, залепетала девчонка, торопливо смагивая навернувшиеся на глаза слёзы. – Я согласна даже по статье, за служебное несоответствие или как там... И без рекомендации. Просто я не могу... Правда. Не надо...

– Прекрати истерику, – усилием воли подавив раздражение, бросил он. – В чём дело вообще? Ну, не удержался. Ни-

чего ведь плохого не сделал.

Соня прерывисто вздохнула, как ребёнок после долгого плача. Не хватало ещё, чтобы мать застала её в таком состоянии. Понавыдумывает ведь себе неизвестно чего.

Может, всё же плохая была идея притащить ляльку сюда? Зачем вообще ему деваха с явными заскоками? Он же всего лишь разнообразия хотел, а не экзотики. Однако вопреки доводам разума Глеб сказал:

– Иди успокойся и возвращайся завтракать. Будем считать случившееся недоразумением.

Оставшись в одиночестве, двинулся было на кухню, чтобы положить себе обещанной каши, но потом передумал и, сев за стол, потянулся к блюду с пирожками.

Да, он строго следил за тем, чтобы держать себя в форме. Положение обязывало. Ещё недавно был начальником охраны, как-никак, да и сейчас вопросы безопасности курировал сам от и до, никому больше не доверяя такую ответственность.

Конечно, подчинённые не перестали бы трепетать перед ним, расплывись Глеб и утратить скорость реакции и силу. Однако на то уважение, которым он пользуется теперь, рассчитывать бы уже не приходилось.

К тому же он профессионально занимался несколькими видами единоборств и удачно совмещал полезное с полезным, собственноручно тренируя сотрудников своей службы безопасности. И нельзя ведь было допустить, чтобы кто-то

из нижестоящих однажды его одолел.

Однако сегодня Глеб решил сделать исключение. И плевать, что в этих пирожках неизвестно сколько муки, и сахара, и жарились они, буквально плавая в масле... Должно же быть в этом утре хоть что-то приятное!

Глава 5

Привычный повседневный ритм затянул, и днём он почти забыл о Соне. Она осталась лишь пунктиком на задворках сознания с пометкой «незавершённое дело».

Вспомнил тогда, когда на телефон начали приходить СМС-ки от банка. С карточки его матери одна за другой списывались суммы. Совсем не крупные для него, но не в этом было дело.

Мама ничего не говорила о том, что сегодня куда-то собирается. Прежде они всегда обсуждали её передвижения заранее, Глеб выделял охрану и снабжал матушку отслеживающим устройством. Может, несколько излишняя предосторожность, но бизнес у него был не самый безопасный, и Глеб предпочитал перестраховаться заранее, чем столкнуться с серьёзными проблемами потом.

Он догадывался, как Валентина Григорьевна могла без его ведома очутиться в городе, и намеревался жёстко отчитать нерадивого сотрудника и оставить в этом месяце без премии. Но прежде, чем разбираться с подчинённым, набрал мать.

– Ты где? – без предисловий поинтересовался он.

– В торговом центре. Помогаю Сонечке с покупками.

Ну вот, как он и думал. Он не забыл о том, что собирался одеть девчонку как следует, и отправил водителя покатать её по магазинам. А тот, очевидно, не отказал Валентине Григо-

рьевне в просьбе захватить и её.

– Почему мне не позвонила заранее? Мы же договаривались, что я должен знать о твоих поездках. И почему ты платишь своей карточкой? Я же передал для ляль... для Сони денег. Пусть возьмёт у водителя.

– Глеб, не будь занудой, – возмущённо отозвалась матушка. – Какая разница, как мы заплатим? И как я могла сказать о своих планах заранее, если сама о них не знала? Ты ведь не потрудился мне сообщить, что Сонечке сегодня нужно съездить в город. Или я должна была заставлять ждать водителя и Соню и спрашивать разрешения?

– Зачем тебе вообще понадобилось ехать? Что, прикупить тряпок – такая сложная задача, с которой в одиночку не справиться? Я понимаю, что у официантки может не быть ни вкуса, ни понятия, но поэтому её должны были провезти по местам, где всякого ширпотреба в любом случае не найдёшь, даже...

– Глеб! – в голосе Валентины Григорьевны явственно слышались гневные нотки. – Не заставляй меня думать, что я плохо тебя воспитывала. Такие открытия на старости лет очень огорчают.

– Ладно, – примирительно вздохнул он, вспомнив, что спорить с матушкой чаще всего бесполезно.

Только настроение испортишь и себе, и ей, а всё равно каждый останется при своём. Впрочем, с женщинами всегда так, но любую другую можно легко поставить на место, а ма-

ма – это всё-таки мама.

– Надеюсь, водитель хотя бы всё время при вас?

– А как же, – совершенно серьёзно ответила Валентина Григорьевна. – Вот как раз помогает бельё выбирать.

Сначала в мозгу отчётливо нарисовалась картинка, как полубоубнажённая официанточка крутится перед зеркалом в примерочной, а водитель помогает ей застегнуть бюстгальтер, поправляет бретели... Ярость вспыхнула слепящей волной, неожиданно для него самого. И только потом до него дошло, что мать просто издевается. В своём стиле объясняет, что мужчинам не место на дамском шопинге.

Глеб подавил неуместный смешок. Раньше он не замечал за собой ревности. То есть, это, конечно, не ревность. Просто нежелание, чтобы кто-то перешёл дорогу и раньше него попробовал то, что Глеб присмотрел для себя. Но и такого за ним раньше не наблюдалось.

Он без всякой щепетильности и морального дискомфорта расслаблялся с доступными девочками, и всегда было абсолютно безразлично, кто развлекался с любой из них до него и кто будет развлекаться после, пусть даже в тот же вечер. Вопрос гигиены, и только. Если девица регулярно проходит медицинское обследование, а перед сексом можно загнать её в душ – какие проблемы?

Но сейчас это стало бы проблемой. Неужели из-за утреннего поведения девчонки? Обидно, если она так шарахалась от него, но оказалась бы готова ответить на поползновения

кого-то другого?

Глупость, конечно. Но одно ясно, нечего затягивать эту ситуацию.

Попросив мать позвонить, когда они будут дома, Глеб попрощался с ней и набрал водителя.

– Какого чёрта моя мать не дома, а я узнаю об этом только благодаря банку?!

Почти минутная пауза изрядно истощила его терпение, но наконец незадачливый сотрудник, прокашлявшись, обречённо отозвался:

– Простите, Глеб Юрьевич. Валентина Григорьевна сказала, вы в курсе.

Ну не дурак ли? Для кого, спрашивается, существует инструкция?

– Сейчас живо давай в этот центр и глаз с них не спускай, – распорядился Глеб, решив отложить выговор на потом.

– Так я уже! – собеседник чуть приободрился. – Только держу дистанцию – Валентина Григорьевна распорядилась ждать в машине.

Ну хоть в чём-то не сплеховал!

– Хорошо, – скупое одобрение Глеб. – Так и продолжай.

Несмотря на то, что инцидент вызвал его недовольство, вечером Глеб не без одобрения убедился, что дамская прогулка прошла не зря.

Теперь внешний вид девчонки по крайней мере не вызывал порыва подать на бедность. Если уж говорить совсем от-

кровенно, она выглядела очень даже стильно. Точно не хуже, чем выглядела бы в домашней обстановке любая женщина из приличного общества.

Узкие брюки приглушённо-жёлтого цвета заманчиво обтягивали ножки, но удлинённая клетчатая рубашка свободного покроя скрывала бёдра, мешая разглядеть самое интересное. Грудь тоже была полностью закрыта, только из-под расстёгнутой верхней пуговицы проглядывала ложбинка на шее между ключицами.

Ничего вызывающего или вульгарного, даже наоборот, но Глеб снова ощутил прилив вожделения. Очевидная скромность наряда провоцировала фантазию и неожиданно завела куда сильнее, чем привычно откровенные одеяния клубных танцовщиц.

Увидев его, куколка тихо поздоровалась, то ли смущённо, то ли испуганно отводя глаза, и поспешила отойти подальше, впрочем, стараясь, чтобы её маневры выглядели незаметными. Забавная.

За ужином Глеб пребывал в приподнятом настроении, предвкушая дальнейший вечер. Сегодня он не даст незапланированным случайностям вмешаться в его планы.

Когда Соня поднялась из-за стола, чтобы убрать опустевшие тарелки, он тоже встал и направился к выходу из столовой. Остановившись в дверях, обернулся и приказал:

– Соня, в одиннадцать часов принеси мне чаю. В мою комнату.

Увидел, как девчонка изменилась в лице, но не стал дожидаться возражений и вышел, прикрыв за собой дверь. Глеб был уверен, что проигнорировать распоряжение она не решится.

Глава 6

Соню не отпускала нервная дрожь. Сердце ёкнуло после приказа Молотова и никак не желало вернуться на место. Тяжело колотилось где-то в пятках, как пойманный в силки птенец. Руки дрожали, норовя упустить одну из фарфоровых чашек или тарелок, которые она должна была вымыть после ужина. Наверняка, если она что-то разобьёт, Молотов только порадуется. Назначит ей наказание... Хотя ему и предложений не надо. И так чувствует себя полностью в своём праве.

Соня не обманывалась насчёт настоящей цели, с которой Молотов позвал её к себе. После утренней сцены глупо было бы строить иллюзии и надеяться на лучшее. Хватит, понадеялась уже... Бестолочь!

Надо было бежать ещё днём, пока была такая возможность. Ускользнула бы из торгового центра, нашла новую квартиру, работу. В большом городе легко затеряться, да и вряд ли Молотов стал бы специально её разыскивать. Каким бы человеком он ни был, не маньяк ведь.

Но она решила верить в лучшее. Сама загнала себя в ловушку. Приняла за чистую монету слова о недоразумении, уговорила себя, что он просто прощупывал территорию, но узнав, что она не готова к сближению, отстанет.

Наверное, если бы ей пришлось иметь дело только с самим работодателем, Соня не оказалась бы настолько беспечной.

Однако присутствие в доме его матери успокоило и подарило ложное ощущение безопасности.

Они с Валентиной Григорьевной сразу поладили. По крайней мере, Соне так показалось. Пожилая женщина отнеслась к ней с такой теплотой и вниманием, каких Соня прежде ни от кого не получала.

Сейчас и это выглядело подозрительным – с чего бы такая предупредительность к обычной домработнице? Но сразу она растаяла. Как было не растаять, когда ей предложили выбрать любую свободную комнату на своё усмотрение, и на робкое замечание, что она предпочла бы разместиться по соседству с хозяйкой, та не отчитала её за наглость и навязчивость, а добродушно согласилась. Вчера этого оказалось достаточно, чтобы необходимость ночевать в чужом доме, под одной крышей с чужими людьми перестала вызывать тревогу.

А уж когда Валентина Григорьевна предложила составить ей компанию в поездке за покупками, Соня окончательно поверила в зародившуюся дружбу.

Теперь она не знала, что и думать. Расположение матери Молотова предстало в ином свете. Наверняка та догадывалась, чего Соне стоит ждать от её сына, и... Пыталась смягчить пилюлю? Усыпляла бдительность? Одно ясно, будь она на стороне Сони, предупредила бы заранее, посоветовала уносить ноги.

Последняя мысль удержала от первого порыва пойти и

рассказать всё Валентине Григорьевне, попросить о помощи, о том, чтобы та сама отнесла сыну чай. Нет, никакого смысла в этом не будет. Ей не от кого ждать сочувствия.

Отчаявшись сосредоточиться даже на простых механических действиях, Соня бросила недомытую посуду и обессиленно опустилась на стул. Мозг лихорадочно пытался найти какой-нибудь выход.

А ведь когда-то она поклялась себе, что никогда больше ей не будет больно и страшно. Никто и никогда больше к ней не притронется, не сможет совершить над ней мерзкого, отвратительного и болезненного действия. Она вырвалась из ада, не сошла с ума и не покончила с собой, и теперь будет свободна. Всегда. И обязательно сумеет стать счастливой.

И что же получилось? Может, на ней лежит какое-то проклятие, и не было смысла бороться с судьбой? Или тот, кто пострадал однажды, потом уже всегда будет притягивать к себе несчастья? У неё на лбу написано, что она – жертва?

От тоскливого страха перед неизбежным и жалости к себе хотелось заплакать, но слёз не было. Соня давно уже не могла плакать. Просто разучилась однажды. Наверное, в тот день, когда поняла, что по-настоящему она одна на всём свете, хоть и не сирота.

Время неумолимо приблизилось к назначенному часу. Чувствуя себя заключённым перед казнью, Соня щёлкнула чайником, насыпала заварку. Ослушаться не смела. Если Молотов обозлится, наверняка будет ещё хуже. А так... В

сердце ещё жил отголосок безумной, шальной надежды, что он её пожалеет. Не станет брать силой.

В конце концов, зачем она ему? У него ведь хватает женщин. И он, кажется, не садист, чтобы получать удовольствие от чужих страданий. По крайней мере, среди слухов, гуляющих между работниками клуба, она не слышала подобного.

Девочки из стриптиза, которым доводилось иметь дело с боссом, судачили, что Молотов совсем не плох. Бывает грубоват, но не склонен к извращениям, даже наоборот, отличается вполне консервативными вкусами. Если бы ещё не бесплатно пользовал на правах хозяина, то цены бы такому клиенту не было.

Соня передёрнулась. Знать бы заранее, в связи с какими обстоятельствами придётся вспоминать сплетни, бежала бы от этого клуба с его владельцем за тридевять земель. Сейчас она согласилась бы работать где и кем угодно, хоть уборщицей в общественном туалете, лишь бы никогда не встречать Молотова и не стать жертвой его внимания.

Заметив, что опоздала уже на десять минут, усилием воли переборола себя и, взяв поднос, поплелась наверх. В голове не было никакого чёткого плана, только одна мысль стучала в висках – она должна что-нибудь придумать. Драться не вариант, он её скрутит одной левой. Надо упросить или насочинять о себе чего-нибудь такого, чтобы он сам захотел держаться подальше. Может, сказать, что она больна?

Хозяйская спальня оказалась огромной. Кроме шикарно-

го спального гарнитура здесь нашлось место даже для настоящего камина, напротив которого стоял небольшой двухместный диванчик. На нём и восседал Молотов.

– Проходи, – кивнул он, когда Соня нерешительно оставилась у порога.

Голос звучал спокойно и доброжелательно, но она вздрогнула, как от удара. Низкий стеклянный столик располагался рядом с диваном, и невозможно было подойти к нему так, чтобы не оказаться в нежелательной близости к хозяину дома.

Она постаралась сосредоточиться на собственных руках. Думать лишь о том, что нужно донести поднос и ничего не уронить и не разлить. Успешно переставила содержимое подноса на столик и уже собиралась отступить обратно к двери, но Молотов не дал. Быстрым неуловимым движением перехватил её за запястье.

Соня коротко вскрикнула. Понимала, что бороться бесполезно, но всё же рефлексивно попыталась вырваться.

– Да что ты шарахаешься? – беззлобно и, кажется, с неподдельным недоумением спросил Молотов. – Сядь. Выпей со мной чаю.

Смысл сказанного дошёл не сразу. Она уже нарисовала себе самые жуткие картины ближайшего будущего, и такое безобидное на первый взгляд предложение никак не вписывалось в ожидания. Впрочем, неожиданное распоряжение всё равно не способствовало успокоению. Они ведь не друзья,

чтобы вместе распивать чай почти ночью. Наверняка это всего лишь обманный маневр.

– Чашка одна... – тихо проговорила она.

– Ничего. Бери себе, у меня есть стакан.

А что, она серьёзно надеялась, что он отпустит по такой пустяковой причине?

Соня осторожно примостилась на краешке дивана, словно тот был электрическим стулом. Облизала пересохшие губы и сразу же об этом пожалела. Вблизи было хорошо видно, как в ответ на это бездумное, машинальное действие вспыхнули глаза Молотова. Зрачок расширился, так что тёмно-серой радужки почти не было видно. У неё даже мелькнуло подозрение, что мужчина пьян, но запаха алкоголя не чувствовалось.

Чуть дрожащими руками Соня налила чай. Под пристальным, неотрывно следящим за ней взглядом Молотова даже такая простая задача далась нелегко.

– Как работается на новом месте? – светским тоном поинтересовался он. – Освоилась?

Соня неуверенно кивнула.

– Всё хорошо... – ответ вырвался сам собой, словно под влиянием чужой воли. – Спасибо.

Она бы хотела сказать, что нисколько не освоилась и вряд ли уже сможет; и это позднее чаепитие пугает её и точно не настраивает на спокойный лад; и вообще она по-прежнему хочет уволиться и просит её отпустить. Однако ничего из

этого так и не сорвалось с языка. Она сидела, как кролик перед удавом, и никак не могла сбросить оцепенение.

Молотов расслабленно откинулся на диване, положил руку на спинку таким образом, что почти касался Сониных плеч. Ещё о чём-то спрашивал, и она даже отвечала, но фразы тут же забывались, не откладывались в сознании. Пустая доброжелательная болтовня не успокаивала. Соня не верила этому мужчине, и любое слово, любой вопрос сейчас казались лишь предвестниками скорых неприятностей.

– Ты очень красивая, Соня, – она внутренне сжалась, услышав то, чего боялась с самого начала. – И очень соблазнительно выглядишь.

– Я не хотела... – голос сорвался и прозвучал еле слышным шёпотом. – Спасибо за чай и... я пойду.

Последняя фраза прозвучала скорее вопросительно, и Соне стало противно от самой себя. Ещё ничего не произошло, а она вела себя, как жертва. Заведомая безответная жертва. Не способная не только защититься, но хотя бы твёрдо и уверенно сообщать о своих интересах.

Может, прав был тот, кто стал кошмаром всей её жизни? Может, она действительно сама виновата в своих бедах? Делает что-то не так, ведёт себя неправильно, провоцирует... «А чего ты хотела? Ходит тут, носом крутит! Сама напросилась!» Она не кокетничала, не одевалась вызывающе, не отвечала на двусмысленные шутки, и всё равно – напросилась. Своей отстранённостью, подспудным недоверием к чужаку

раздразнила зверя? И теперь всё той же робостью привлекла внимание другого хищника? Как больные и слабые травоядные своим запахом привлекают санитаров леса? Дефектная натура... Добыча.

Хаотичные мысли, связывающие прошлое и настоящее, пронеслись в одно мгновение, пока она вставала с дивана.

– Посиди ещё, – Молотов протянул к ней руку, и она снова не успела отдернуть свою. Потеряв равновесие от стремительного рывка, упала к мужчине на колени.

Сильные руки беспощадно сомкнулись вокруг талии, чуть сжали и скользнули выше, оглаживая спину.

– Глеб Юрьевич! – Соня вцепилась в его плечи, пытаясь отстраниться, но сама понимала, что её жалкие трепыхания не могут стать для Молотова серьёзной помехой. – Нет! Нет-нет-нет...

– Ну что ты такая зашуганная, лялька? – тяжело выдохнул тот ей на ухо, и не дожидаясь ответа, облизал мочку, скользнул языком по шее. – М-м, какая ты... солнечная девочка. Не бойся, не обижу.

Соня зажмурилась, собирая остатки решимости. Она больше не сможет этого вытерпеть, просто не переживёт! Она должна спастись, найти способ...

– Я... буду кричать, – севшим от напряжения голосом выпалила она. – Ваша мама обо всём узнает. Разве вы этого хотите? И... я больна. Очень! У меня сифилис, да. Вам же будет хуже...

Громкий смех Молотова заставил замолчать. Похоже, её отчаянная попытка избежать уготовленной участи искренне его позабавила.

– Храбрый зайчонок, да? – не переставая посмеиваться, мужчина погладил её по щеке. Наверное, жест даже можно было назвать ласковым, но Соне хотелось выть от ужаса и безысходности. – Забыла, что результаты медосмотра сотрудников прикрепляются к личному делу?.. Ладно, лялька, я уже понял, что ты не спишь со всеми подряд, и вообще примерная девочка. Это мило, и в целом мне всё понравилось, но сейчас хватит кочевряжиться. Сказал же, не обижу. Давай, поцелуй меня.

Он ждал. Думал, что она в самом деле послушается и выполнит приказ? Соня почувствовала себя в какой-то перевёрнутой, зазеркальной реальности. Значит, бывает и так? Можно не просто издеваться над человеком, игнорировать его волю и желания, но ещё и требовать от жертвы содействия?

Это было уже за гранью понимания. Слишком дико. И парадоксальным образом именно это привело в чувства. Тяжкий морок отступил, ощущение непреодолимости ситуации вытеснилось злостью загнанного в угол зверя, который готов сражаться до последнего.

Соня медленно наклонилась к губам своего мучителя, так, как если бы действительно собиралась поцеловать. Несколько секунд помедлила, примеряясь... и укусила. Резко, от ду-

ши, с такой силой, на какую только оказалась способна.

Рот наполнился привкусом чужой крови, но она даже не обратила на это внимания. Воспользовавшись тем, что ошарашенный её выходкой Молотов невольно ослабил хватку, вырвалась из удушающих объятий и изо всех сил рванулась к двери.

Глава 7

Поступок девчонки настолько поразил, что Глеб даже не разозлился. Сорвался следом за ней скорее инстинктивно.

Соня успела добежать до двери, когда он настиг, одним рывком оттащил её от так и оставшейся запертой створки и прижал к стене.

– Ты не заигралась, девочка? – тыльной стороной ладони вытер продолжавшую сочиться после укуса кровь. – Что это было?

Кажется, спросил достаточно спокойно, но девчонка взглянула на него так, будто видела перед собой по меньшей мере Джека Потрошителя. В медовых глазах застыла паника. Даже больше – почти безумие. В расфокусированном взгляде не осталось ни тени мысли, лишь ужас и обречённость. Она подняла руки к лицу, словно ждала удара, и, похоже, во все не собиралась отвечать.

Глеб выругался. Девчонка снова ставила его в тупик, вот только на этот раз недоумение было совсем не из приятных. Чего она так задёргалась-то? Дошло, что переборщила с укусом? А чего кусалась?

Он внимательней посмотрел на дрожащую девушку. Она всерьёз не хотела ему уступить? Почему нормально не сказала? Шептала что-то невразумительное, даже не вскрикнула, не сопротивлялась... Не считать же сопротивлением те сла-

бье, почти незаметные попытки освободиться? Разве могло ему хотя бы в голову прийти, что это не игра, не своеобразный флирт? Не способ продемонстрировать свою неприступность и приглашение быть настойчивей? Будто он не знает, как женщины ведут себя, когда по-настоящему не хотят!

Глеб поморщился, отмахнувшись от собственных доводов. Перед собой-то не было смысла скрывать, что просто не хочется признавать свою ошибку. Сейчас, заново прокручивая в голове произошедшее, он всё отчётливее понимал, что с девчонкой сегодня с самого начала было что-то не то. Она не просто робела и смущалась. Она была перепугана до полусмерти.

Он не захотел этого заметить, ослеплённый вожделием. Да, идея уложить девчонку в постель слишком плотно засела в голову. И он далеко не из тех, кто привык надолго откладывать свои желания.

Сегодня она показалась ему ещё более привлекательной, чем вчера в клубе. Такая ладненькая, скромная, душистая девочка. Куколка и есть, иначе не назовёшь. Карамельная принцесса из какой-нибудь сказки, хоть бери и облизывай её с головы до ног. Глеб уже и не помнил, когда раньше так сильно хотел не секса в общем, а именно одну конкретную женщину.

Наверное, для неё всё оказалось слишком быстро. Ждала подарков и хороводов вокруг неё? И потому так расстроилась? Ерунда какая-то! По-женски, конечно, но всё равно

очень уж странная у неё реакция. Ненормальная.

– Соня... – он осторожно тронул девушку за руку, отводя ладонь от лица.

Соня подскочила на месте, но не сделала новой попытки убежать.

– Да хватит дёргаться! – на смену непониманию пришло раздражение.

Уже было ясно, что ничего не выйдет. Сегодня, по крайней мере. Глеб уже хотел отправить девчонку спать, раз толку всё равно нет, а потом за стаканчиком виски поразмыслить, стоит ли возиться дальше, или лучше указать ей утром на дверь. Пусть катится, куда хочет. Но профессиональная привычка разбираться в любой ситуации до конца взяла своё.

– Ты девственница, что ли? – предположил он.

Причём, видимо, идейная и фанатичная, потому что в двадцать два года устраивать такую истерику из-за совершенно неагрессивной попытки к ней «подкатить» чересчур даже для девственницы. Впрочем, кто их разберёт. Не связывался никогда и, похоже, ничего не потерял...

Однако Соня коротко помотала головой, отвергая его догадку.

Глеб снова заглянул в прекрасные медовые глаза, лихорадочно блестящие от непролитых слёз, и мозг пронзило новое подозрение.

– Тебя изнасиловали?

Девушка съёжилась ещё сильнее, хотя он бы не подумал, что такое вообще возможно. Опустила голову; кажется, попыталась что-то сказать, но лишь беззвучно шевельнула губами.

Ответа уже и не требовалась. Всё стало более чем ясно.

– Кто?

– Какая вам разница? – прошелестела она.

А зайчонок-то и впрямь храбрый. Огрызается, будто и не тряслась только что как овечий хвост. Да и сейчас продолжает.

Глеб и сам не знал, какая ему разница. Но с каких пор его приказы подлежат обсуждению?

– Садись, – он слегка подтолкнул девочку обратно к дивану и досадливо поморщился, перехватив очередной испуганный взгляд. – Да не бойся, не буду я тебя больше трогать. Рассказывай.

Абсолютно не понимая, зачем это делает, налил в чашку остатки чая, подтолкнул девочке.

Соня будто окаменела или превратилась в ледяную скульптуру. Сидела, стиснув в ладонях остывающую чашку, и не могла выдать ни слова. Язык не поворачивался – фраза, которая всегда казалась ей образным преувеличением, оказалась вполне себе применима к физической реальности.

Соня вообще не была готова делиться трагедией прошлого, даже подруге не рассказывала. А уж исповедоваться перед этим человеком было тысячекратно сложнее. Он ведь сам только что едва на неё не набросился. Соня и теперь не чувствовала себя в безопасности. Да, обещал не прикасаться, но разве можно такому верить?

И зачем, зачем ему нужны её откровения? Убедиться, что не обманула? Увидеть, какая она слабая и никчёмная, и вернуться от неё? Последнее было бы хорошо.

– От-чим... – она не узнала собственный голос.

– Как?

От нового вопроса сердце болезненно сжалось, а потом заколотилось, как сумасшедшее, под лавиной мучительных воспоминаний, которые она уже несколько лет усиленно гнала прочь.

Но неужели Молотов хочет услышать всё в подробностях? Он из тех, кто получает удовольствие от пикантных историй, и если решил не трогать её, то хочет развлечься хотя бы так?

Наверное, он что-то понял по её лицу, потому что раньше, чем Соня что-нибудь сказала, уточнил:

– Мать куда смотрела?

Холодный сухой тон, как на допросе. Нет, он не смакует её унижение. Похоже, ему всё равно, вот только зачем тогда спрашивает?

– Она медсестра, часто уходит на ночные дежурства, – глухо проговорила Соня. – Мы оставались одни... В первый раз

он был очень пьян и на что-то разозлился. Сказал, что сейчас научит уважать старших, и...

– Это был не единичный случай?

Новый вопрос обрушился, как удар. Соня торопливо прижала ладонь ко рту, закусил палец. Ещё немного, и вместо слов из горла вырвется крик. Отчаянный и бессмысленный вопль бессилия и боли.

Будто и не было прошедших лет свободы, она снова почувствовала неизбывный, животный страх, когда-то бывший её постоянным спутником.

Почему, зачем или за что она должна снова окунаться в эту грязь, в мыслях переживать всё заново? Она ведь не просила сочувствия или жалости. Да и кто ей может посочувствовать? Уж не Молотов точно. Да он и не пытается этого изобразить. Но и заканчивать расспросы тоже не собирается.

– Почему никому не рассказала?

Соня судорожно вздохнула. Вспомнив о чае, жадно сделала несколько глотков.

Надо собраться. Пока она не удовлетворит его интерес, он не отпустит. Отвечать всё равно придётся, причём с теми подробностями, которых пожелает Молотов. И если она хочет, чтобы всё поскорее закончилось, надо собраться.

– Я сказала маме, – монотонно заговорила Соня, стараясь абстрагироваться, представить, что всего лишь пересказывает сюжет какого-нибудь фильма. По правде сказать, получалось плохо. – Она не поверила... При ней он совсем другой.

А я... Я была против их брака, и мама решила, что я так хочу избавиться от отчима... Он ей так сказал... Она очень хорошая, ей сложно представить, что произошедшее со мной вообще возможно...

– Почему не пошла в полицию? Медицинское освидетельствование не прошла?!

Молотов повысил голос, словно разозлился. Тоже считал, что случившееся – её вина? И её же винил в том, что сегодня остался без запланированного удовольствия? Соня подавила рвущийся наружу истеричный смешок.

– Он угрожал. Когда я рассказала матери, избил меня и сказал, что если ещё раз хоть кому-то заикнусь – продаст в Турцию... Я хотела жить. На свободе! Да, я не умею бороться, но я имею на это право, я живой человек! Я же ничего от вас не прошу, почему вы не можете оставить меня в покое?!

Соня сама не поняла, почему её вдруг прорвало. Страх перед Молотовым никуда не ушёл, достучаться до него она тем более не надеялась. Просто поняла, что ещё одного вопроса в этом равнодушно-холодном тоне не выдержит.

Несколько томительно долгих секунд он молчал, пристально изучая её. Как какую-нибудь подопытную букашку...

– Могу, – наконец ровно обронил он. – Иди к себе.

Соня не заставила себя долго упрашивать. Однако как бы она ни торопилась, всё равно не успела уйти прежде, чем её остановил очередной вопрос.

– Погоди. Адрес скажи.

– Какой адрес? – искренне не поняла она.

– Прабабушки моей! – Молотов почему-то снова разозлился. – Адрес, по которому этот ублюдок обретается.

– З-зачем? – от удивления она снова начала заикаться.

В голове за один миг пронеслись самые невероятные догадки, но воспринять всерьёз хоть одну из них было невозможно.

Молотов шумно вздохнул, будто это она безжалостно допрашивала его вопросами и жутко утомила.

– Соня, когда ты наконец усвоишь, что если я что-то спрашиваю, надо просто ответить?

Желание поскорее остаться в одиночестве было намного сильнее мимолётного недоумения, поэтому она послушно продиктовала адрес родительской квартиры и быстро, пока Молотов не заговорил снова, выскользнула за дверь.

Глава 8

Чертовски хотелось напиться. Собственно, ему никто и не мешал, поэтому Глеб, недолго посомневавшись, устроился перед камином с бутылкой виски.

Впервые за много лет не получалось в себе разобраться. Он действительно собирался впрячься за девчонку? За официанточку, которую заметил-то только вчера и притащил в дом сугубо ради эксперимента? Зачем? Зачем требовал адрес, зачем вообще её расспрашивал, хотя девочка явно не горела желанием откровенничать?

Нет, для него ничего не стоит наказать обидчика, но дело ведь не в этом. Девчонка не входит в число родственников и друзей, она ему даже не любовница. Не под его ответственностью, как ни крути. Так какого чёрта?!

Глеб никогда не считал себя человеком, склонным к сочувствию. Да и вообще к каким бы то ни было сильным эмоциям. Всё, что он делал, всегда было обусловлено здравым смыслом, выгодой или собственным кодексом чести, принятыми на себя обязательствами.

В справедливость Глеб не то чтобы не верил, он о ней не задумывался. Считал пустой и необязательной условностью. В мире существовали куда более древние, могущественные и закономерные правила, чем выдуманная людьми справедливость. Например, система «хищник – жертва». Право силь-

ного. Где справедливость в охоте льва на антилопу? Так зачем её искать в охоте, скажем, грабителя за запозднившимся прохожим?

В жизни случается всякое, и всё это в любом случае укладывается в рамки самой жизни. Да, кто-то подставляется сам, по собственной глупости. Шатается поздним вечером по неблагополучному району; надевает короткую юбку и глупо хихикает; демонстрирует золотые часы в компании малознакомых собутыльников... А кто-то не имеет ни малейшего шанса избежать проблем, страдает ни за что. Но и это – жизнь. Обыденность. Бывает. Самой природой созданная система работает.

За всех обиженных заступаться – жизни не хватит. И главное, смысла никакого.

Но вопреки всему в ушах звучал прерывистый тихий полужёпот девчонки. Перед глазами мелькало лицо. Взгляд – несчастный, но не сломленный...

Понятно ведь, что ничего с ней не получится. Сама не захочет, а заставлять... После всего, что она пережила, это было бы слишком мерзко. Даже для него. Да и не сможет она притвориться, изобразить страсть, а терзать бесчувственное или сопротивляющееся тело – сомнительное удовольствие. Уж точно не на его вкус.

Да, самое правильное, здоровое решение – забыть собственную случайную придурь, забыть эту историю. Ничего не предпринимать, рассчитать утром девчонку и вернуться

к привычному образу жизни.

Отыскав шаткую гармонию в душе и мыслях, Глеб в несколько крупных глотков прикончил остатки виски и отправился спать.

Утро встретило не тяжёлым, но всё же ощутимым похмельем. Морщась и не без усилий припоминая, чем закончился минувший вечер, Глеб постоял под душем, и уже в почти бодром состоянии вышел в столовую. Время завтрака давно прошло, и, как и следовало ожидать, за столом никого уже не было. А вот в кухне вместо так называемой домработницы он обнаружил лишь собственную мать.

– Где Соня? – вроде бы поинтересовался совсем нейтрально, но матушка почему-то взглянула с осуждением.

– Отдыхает. Девочка приготовила завтрак и пошла отдохнуть. Имеет право, остальную работу можно выполнить и позже.

– А от чего устала? – осведомился он, с разочарованием изучая содержимое холодильника.

Нет, там было всё, чем Глеб привык завтракать. Свежеприготовленное и даже разложенное по порциям. Но именно сегодня он не отказался бы от какого-нибудь супчика. И, уже примерно предполагая гастрономические пристрастия девчонки, он искренне надеялся обнаружить что-то подходящее.

– У нас супа нет? – уточнил у матушки, так и не обнаружив искомое.

– Нет. Если так уж надо, выпей рассол от маринованных огурцов, – без тени сочувствия посоветовала Валентина Григорьевна. – А что случилось с Сонечкой, я у тебя хотела спросить. Что ты сделал с девочкой, что она до утра не могла уснуть, а потом горстями глотала успокоительное и таблетки от головной боли?

Внутри что-то неприятно шевельнулось. Глеб передёрнулся, отгоняя совсем уж неуместное чувство сожаления.

– Она не говорила, что чем-то болеет, – глупая отговорка, но не рассказывать же матери о вчерашнем вечере.

– Соня очень хорошая девочка, – серьёзно сообщила мама. – Рядом с тобой раньше похожих не было.

Почему-то абсолютно безобидное примечание разозлило.

– Конечно, не было, – сухо отозвался он. – Эскорт и домработница – это вообще разные функции. Кстати, если уж на то пошло, София скорее рядом с тобой – твоя же помощница. Я тут при чём?

– Точно, – не стала спорить Валентина Григорьевна. – Тогда почему ты о ней спрашиваешь? Ты свой завтрак получил, а как нам с помощницей разделить дела – моя забота. В чём дело, Глеб?

– Ни в чём. Делите дела, отдыхайте, вообще, ни в чём себе не отказывайте. Я поехал.

Глеб вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Настроение было ни к чёрту. Девчонка явно его избегала. Боялась. И уж точно не возможного увольнения. Ну и к чёрту! Он ей

не нянька, чтобы успокаивать и разьяснять, что к чему.

Хорошая девочка... Ушла отдыхать...

Глеб назвал водителю привычный маршрут. Прикрыл глаза, намереваясь немного подремать и окончательно прийти в себя за время поездки. Рассчитать девчонку можно и вечером. Хотя матушке она приглянулась. Вон как заступается, сама не зная за что. А при её жизни компаньонка действительно не помешает. Но это не вариант, нет.

Хорошая девочка... Храбрый зайчонок. Медовые глаза... Видеть ежедневно, а трогать нельзя. А хочется... Нет, оставить рядом – верх глупости. Он ведь не мазохист.

– Стой! Едем по другому адресу, – выданное водителю новое распоряжение шло не то чтобы вразрез – параллельно всем мысленным доводам. И зародилось так же, коварно, мигая разум. Но всё же Глеб не стал бороться с порывом и назвал адрес, услышанный вчера от Сони.

Глава 9

Глеб с любопытством осмотрел двор. Даже не думал, что такие до сих пор существуют. Словно во времена юности вернулся.

Пространство между давно требующими капитального ремонта хрущёвками представляло собой стихийную автостоянку. Вместо детской площадки – лишь сиротливо торчащий остов карусели. Из зелени только несколько старых разросшихся акаций. Часть ветвей уже отмерла, и голые чёрные сучья продолжали тянуться к небу, даже в солнечный день внося в пейзаж мрачную ноту. От земли поднимались зеленеющие молодые побеги, но от этого всеобщая неухоженность и запустение лишь сильнее бросались в глаза.

Глеб с удовлетворением отметил, что подъездные двери здесь не оснащены домофонами. И что уж совсем хорошо – на дверях, ведущих в подвал, замков тоже не было видно. Поставленная перед собой задача обещала оказаться более чем простой. Жертву даже не придётся заманивать далеко.

Праздных прохожих почти не наблюдалось. Так – выйдет кто-нибудь из подъезда и пойдёт быстрым целенаправленным шагом прочь со двора. Никаких мам с колясками, домохозяйек с собачками и любящих поболтать пенсионерок. Не удивительно. Наверняка если жители ближайших домов решают прогуляться, то идут в парк. Недалеко, а окружающий

вид там куда приятнее.

Правда, возле нужного ему подъезда на кособокой скамейке с частично облупившейся краской сидели трое мужичков неопределённого возраста и изрядно потрёпанного вида. В урне и рядом с ней валялись пустые бутылки из-под пива. Судя по тоскующему виду собравшихся и отсутствию разговоров, больше выпивать было нечего, однако компания не спешила расходиться.

Секундное недовольство возникшей на пути помехой сменилось мыслью, что колоритные местные жители могут пригодиться. В подъезде незачем поднимать шум, а кому-нибудь из них будет проще выманить соседа из дома.

– День добрый, мужики, – поздоровался Глеб, подойдя к компании. – Чего скучаем?

Троица окинула его неприветливыми взглядами. Смесь инстинктивной, животной подозрительности, с которой живущие в своём замкнутом узком мирке люди всегда встречают новые лица, и наивного оценивания – а не удастся ли что-нибудь урвать с чужака?

– А мы те чё, клоуны? – хмуро сплюнул самый трезвый. – Веселить должны?

– Ну что вы! Подумал – может, помочь чем надо? – Глеб вытащил из нагрудного кармана заранее заготовленную пяти тысячную купюру и демонстративно покрутил в руках. – Нехорошо, когда хорошие люди скучают.

В глазах собеседника засветился интерес. Он оглянулся

на приятелей в поисках поддержки, откашлялся, неуверенно протянул руку, явно сомневаясь, что предложение – не шутка и не издевательство. Выхватив деньги, жадно сжал в кулаке, отвернулся, суетливо пряча купюру. Наконец, убедившись, что неожиданный благодетель не думает отбирать подарок, но и никуда не уходит, снова повернулся в его сторону.

– Ты это, мужик... Хотел чего?

– Да так, ерунда, – в подтверждение собственным словам Глеб махнул рукой, показывая, что дело пустяковое. – Алиева вот ищу. Из сорок седьмой квартиры. Знаете такого?

– Тимурку, что ль? – собеседник презрительно сплюнул и выдал длинное витиеватое ругательство, из которого можно было заключить, что упомянутую личность он действительно знает и вовсе не считает знакомство приятным. – А те за чем? Машину, что ли, смотреть собрался?

– Ну? – неопределённо отозвался Глеб, рассчитывая, что собеседник продолжит и без наводящих вопросов.

Тот не разочаровал.

– Совет хочешь? Вот по дружбе! Ты, вижу, мужик с понятием, чё ж не подсказать... Короче, слушай, даже время не трать. Эту рухлядь и на металлолом не сдашь, давно прогнило всё. У Тимурки никакой совести, его барахлу косарь – красная цена. А он, небось, нормально запросил, а?

– Не дружите с соседом? – поинтересовался Глеб.

Собеседник плюнул в очередной раз, скривился в презри-

тельной гримасе.

– Дрянь человек, – кратко охарактеризовал другой, тоже решив поучаствовать в разговоре. – Галка, жёнка его, дура, что связалась... Вот скажи, разве вокруг мужиков мало?

Глеб усмехнулся. Забавно было услышать этот риторический вопрос от отъявленного пропойцы.

– Вот ты думаешь, сам хорош, а распинается тут... – оказалось, наблюдательности новому собеседнику было не занимать. – А я тебе вот что скажу – имею право! Я ж не как-нибудь, я на свои кровные. За-ра-бо-таные! У баб на шее никогда не сидел. Всю жизнь на заводе этими вот руками... Видел? – разошедшийся собеседник помахал перед ним кистью, на которой не хватало двух пальцев. – Станком отхреначило. Ты не думай, не по пьяни! И чё, скажешь, я выпить не могу? Чего молчишь?

– Да тут и говорить нечего, – равнодушно ответил Глеб, мысленно прикидывая, как поскорее закончить разговор таким образом, чтобы компания собутыльников на ближайшие час-полтора убралась от подъезда куда подальше. – Можешь, конечно.

Всё, что могло пригодиться, он уже узнал. Алиев явно собрался продавать машину, давал объявление. Под этим предложением можно вытащить его на улицу, и он точно не заподозрит подвоха.

– Вот! – собеседник вошёл в раж и никак не желал униматься. – А этот что? Ты, спрашивается, зачем в Москву при-

ехал? Работать? Так работай, а не сиди за бабой! Галка его как к себе привела, так он, думаешь, хоть день проработал? Со стройки ушёл, типа спина болит, и больше никуда. Только и знает, по углам девок зажимать. У Толяна, вон, внучка по подъезду пройти боится. Его жёнка Галке раз сказала, типа, из-за твоего хахаля нормальным людям жизни нет, так та визг подняла, типа Тимурка шутит только, а так мировой мужик. Ну не дура, а?

– Дура. Законченная, – на этот раз абсолютно искренне согласился Глеб. – А она-то дома сейчас?

– В больнице, – охотно отозвался собеседник, и пояснил, на случай если его неправильно поняли: – Она, типа, медсестра. Работает там.

Похоже, он готов был ещё долго распространяться на тему соседей. Глеб нетерпеливо посмотрел по сторонам, взглянул вверх.

– Похоже, дождь будет, – вклинившись в паузу, намекнул, что честной компании неплохо бы сменить место дислокации. – Вы бы пошли, мужики, посидели где-нибудь... под крышей.

– Так, может, с нами? – уже по-свойски предложил собеседник. – За знакомство, так сказать.

Глеб покачал головой и, чуть усмехнувшись, выудил ещё одну купюру, чтобы жадность уж точно не перевесила готовность троицы важно засесть в какой-нибудь пивнушке, не ограничиваясь обыденным походом в магазин.

– Спасибо за совет. Повезло, что вас встретил, время терять не пришлось.

Распрощавшись со случайными информаторами, Глеб свернул за угол, выжидая, пока компания покинет насиженное место. Потом вернулся и уверенно вошёл в подъезд.

Неработающий лифт даже не удивил. Пришлось пешком подниматься по грязной, заплёванной – и судя по витающим в воздухе запахам, не только заплёванной – лестнице на третий этаж.

Глеб уже и забыл, что люди могут жить в таких условиях. Зачем-то попробовал представить, как по этой лестнице ходила Соня, но ничего не получилось. Никак её образ не вязался с этим местом. В его доме солнечная девочка смотрится куда более органично, даже при том, что всё время чувствует себя не в своей тарелке.

Дверь долго не открывали. При иных обстоятельствах Глеб уже подумал бы, что дома никого нет, но после общения с заседавшей у подъезда троицей был уверен, что уйди Алиев из дома, те бы непременно заметили и сообщили об этом.

Наконец послышалась приглушённая ругань и кляцанье замка. Ещё через несколько минут, на протяжении которых хозяин квартиры боролся с замками, дверь приоткрылась.

На пороге показался заспанный оплывший мужчина лет сорока в растянутой майке со следами застарелых не отстирываемых пятен и чёрных спортивных штанах с вытянуты-

ми коленями. Густая шевелюра кудрявых чёрных волос, ло- щеная смуглая кожа и выразительные миндалевидные глаза намекали, что когда-то этот тип наверняка мог казаться при- влекательным в глазах многих женщин. Пожалуй, если бы не неопрятный вид, некоторых впечатлил бы и сейчас.

Неужели на это и повелась безмозглая мамаша его кукол- ки?

Глеб едва сдержал гримасу омерзения. Пришлось напо- мнить себе, что он не собирался устраивать расправу в квар- тире, где шум могут услышать. Вдруг кому-нибудь придёт в голову идея вызвать полицию. Он, конечно, разберётся и в любом случае выйдет сухим из воды, но дело не в этом. Во- все не нужно, чтобы им помешали. Алиев должен получить сполна всё, что для него уготовано.

– Ну, чего? – подал голос хозяин квартиры.

– Здравствуйте, – спохватился Глеб, поняв, что молчание затянулось. – А я по объявлению. Насчёт машины.

– А, это вы звонили? Надумали всё-таки, – Алиев растя- нул губы в довольной улыбке. – Ну, заходите.

– Так, может, сначала пойдём посмотрим? – скрывая нетерпение, предложил Глеб. – Что впустую-то обсуждать?

Алиев не пришёл в восторг от высказанной идеи, но по- сле недолгих препирательств всё же согласился спуститься к автомобилю, видимо, не желая упустить потенциального по- купателя.

Дальнейшее было делом техники. Глеб чуть приостано-

вился на выходе из подъезда, пропуская будущую жертву вперёд, и, едва тот ступил на крыльцо, молниеносным движением заломил ему руку. Рванул подвальную дверь и швырнул Алиева внутрь быстрее, чем тот успел хотя бы сообразить, что к чему.

Спокойно нашёл выключатель, закрыл за собой дверь и заблокировал заранее заготовленным суком от акации – на случай, если каким-нибудь подросткам не вовремя приспичит покурить подальше от родительских глаз. Закончив с приготовлениями, неспешно спустился к поверженному.

Скатившийся с лестницы Алиев сыпал ругательствами и неуверенно пытался подняться, кажется, всё ещё не придя в себя от неожиданности.

Глеб дождался, когда тот встанет, и нанёс первый точный удар, сразу ломая нос. Алиев снова опрокинулся на бетон, гнусаво завыл, зажимая рукой переносицу.

– Мужик, ты чего?! – в голосе прорезались панические нотки. – Ты чего, э?

– Привет от Сони, – коротко объяснил Глеб, склонившись над не успевшим опомниться неприятелем, и впечатал кулак в солнечное сплетение.

Сегодня он не собирался драться – он собирался избивать. Калечить. Казнить. Существо перед ним не имело права на шанс, на возможность защищаться. Поэтому Глеб хладнокровно и умело выводил его из строя. Чтобы потом, когда дело дойдёт до кое-чего похуже побоев, тот даже в порыве

отчаяния не сумел мобилизоваться.

Он никого не взял в помощь, не пожелав посвящать со-трудников в историю, никакого отношения к деловой сфере не имеющую. Но тем не менее оставлять хоть что-то на произвол судьбы Глеб не планировал.

Алиев скорчился на полу, рвано хватая ртом воздух. Уловив новое движение в свою сторону, попробовал отползти, вытянул руку не то в примирительном, не то в умоляющем жесте.

– От... Что? – при имени падчерицы на его лице отразилось неподдельное потрясение.

Ещё через мгновение Алиев грязно выругался. Зажёгшаяся в глазах злоба перевесила даже страх и боль.

– Сонька послала? Убью тварь! – прохрипел, сплёвы-вая кровь, и отчаянно метнулся вбок, безуспешно пытаясь ускользнуть от действенного ответа на брань.

Чуть отдышавшись, затараторил уже быстро, испуганно, не останавливая на своём палаче бегающего взгляда дольше, чем на миг.

– Слушай, мужик, ну ты чего... Ну что мы, будем из-за бабы... Да она сама хотела, слышь! Она шлюха ещё та, Сонька! Они ж теперь все чуть ли не с начальной школы ебу...

Глеб не дал договорить. Сознание заволокло пеленой ярости, желанием убивать.

Он давно не испытывал ничего подобного. Вынужденные деловые разборки не пробуждали мук совести или сочув-

ствия к проигравшим, но и плохо контролируемой агрессии, личной ненависти он не чувствовал.

Сейчас же почти не замечал ничего вокруг, слабо оценивал собственные действия, не задумывался, куда бьёт. Крипы и стоны жертвы отзывались в мозгу зловещим гулом. «Убей, убей, убей»...

Остановился только потому, что убийство казалось слишком быстрым, а значит, недостаточным финалом. Да и «очень хорошая» мама не должна отделаться ничем. Быть вдовой – просто, а вот всю жизнь ухаживать за озлобленным калекой – это уже нечто более похожее на судьбу, которую она заслуживает.

– Клянусь... Слышь, я матерью клянусь... Я не виноват, – донеслось с пола, когда он ненадолго отошёл от поверженного, чтобы вернуть себе хладнокровие. – Она сама... Сама предложила, за бабло. Ну я проучил маленько... Отпусти, слышь? Не надо больше... Я клянусь...

«Не надо. Нет-нет-нет...»

Перед глазами встало лицо девчонки. Сони.

Глеб тяжело перевёл дух. Обвёл глазами подвал, рассчитывая обнаружить среди общественного хлама что-нибудь подходящее. Взгляд зацепился за заострённый металлический прут.

– Не слышал, как следаки говорят? – произнёс вполне ровно, словно и не утрачивал над собой контроль. – Чистосердечное признание смягчает наказание. Можно было ограни-

читься чем-то одним, а вот сейчас что прикажешь с тобой делать? Придётся тоже маленько проучить. Уберём лишнее, а? Зачем человеку орган, которым он не умеет правильно пользоваться?

Кажется, Алиев до последнего не мог осознать, что его ждёт. Не верил или не понимал. Невнятное мычание и беспорядочные попытки отмахнуться, защититься от врага выдавали лишь сильнейший шок.

...А потом по подвалу разнёсся дикий, нечеловеческий крик. Эхом отбился от толстых бетонных стен и угас, оборвался на самой высокой ноте, так и не найдя выхода, не достигнув ничьих ушей, кроме непреклонного карателя.

Глеб немного подождал, убеждаясь, что шум не привлёк ненужного внимания. Затем отпер дверь. Поблизости по-прежнему никого не было.

Он вернулся к валяющейся без сознания жертве, чуть поморщившись, подхватил того подмышки и не особенно церемонясь выволок наверх. Напоследок с силой встряхнул, заставляя ненадолго вернуться в реальность.

– Если хоть кому-нибудь – следователю, врачам, неважно – хоть словом заикнёшься о Соне в связи с этой историей, дни закончишь на зоне. А таким, как ты, там всегда очень рады, не сомневайся.

Отшвырнув несчастного к подъездной двери, Глеб быстро пошёл прочь. Близился конец рабочего дня, совсем скоро люди начнут возвращаться по домам. Скорее всего, Алиеву

успеют вызвать скорую. По крайней мере, Глеб на это рассчитывал. Пусть живёт.

Вот только решение насчёт Сони снова придётся переиграть. Не стоит увольнять её теперь, после сделанного. Мало ли, вдруг этому недоноску всё-таки придёт в голову болтать, что его якобы заказала падчерица. Девчонку ни за что затаскают по допросам. А если она будет оставаться на глазах, он подобного не допустит.

О себе Глеб не беспокоился. Даже если бы какому-нибудь следователю пришло сверхъестественное озарение, и тот сумел докопаться, кто расправился с Алиевым, к нему с вопросами всё равно не сунутся. Благо, нужных связей хватает. В отличие от доказательств вины.

Водитель терпеливо ждал в машине. Увидев шефа, быстро свернул газету.

– Куда теперь, Глеб Юрьевич?

– В клуб, – лаконично отозвался Глеб.

Нужно было принять душ, переодеться и вообще привести себя в порядок. В его кабинете было всё необходимое.

Глава 10

Соня вознамерилась избегать хозяина дома. Позиция страуса не могла решить проблему, и Соня сама это понимала, но и ничего другого придумать не получалось. Точнее, не получалось на что-нибудь решиться.

Вот что она может? В очередной раз завести разговор об увольнении? Бессмысленно. Молотов прекрасно знает её позицию, но вот интересуется его только своя.

Удрать отсюда? Спешно переехать куда-нибудь в другой город? Её трудовая книжка у Молотова, значит, придётся снова устраиваться в самую простенькую и непрезентабельную забегаловку – куда её ещё возьмут без официально подтверждённого опыта работы?

Снова вертеться, как белка в колесе, за сущие копейки? Терпеть хамство посетителей и понукания руководства? Нет, ей не привыкать, и если другого способа избежать посягательств Молотова нет, то Соня готова и к такому. Но...

Но ведь вчера ничего не случилось. Молотов жутко её перепугал, однако же в конце концов повёл себя по-человечески. Как и тогда в клубе... Может, он всё же неплохой человек, просто не привык получать отказы и потому не сразу её правильно понял? А теперь ей больше ничего не грозит, и будет напрасной глупостью бежать и усложнять себе жизнь.

Однако один раз она ведь уже понадеялась на лучшее, и

это едва не закончилось плохо...

В подобных метаниях Соня провела целый день.

Утром ей удалось избежать встречи с хозяином дома. Она специально встала ни свет ни заря, чтобы приготовить завтрак до того, как он проснётся. И, выполнив свои обязанности, просто сбежала к себе.

Соня надеялась, что вечером получится сделать так же. Приготовить ужин, наоборот, заранее, пока Молотова ещё нет дома, и опять-таки скрыться в комнате. И если всё удастся, придерживаться такого распорядка каждый день. Может, если не попадаться ему на глаза, он и не вспомнит о своём интересе.

Однако с ужином было сложнее. Если Молотов ещё может съесть кашу из микроволновки, то с мясом такое точно не пройдёт. Никакого разогрева, только свежеприготовленное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.